

УДК-32.019.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-92-102

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

М. Ю. Мартынов

Мартынов Михаил Юрьевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359. ResearcherID: F-8115-2019).

Аннотация

Предметом исследования выступает сравнение влияния государственных и негосударственных акторов на формирование коллективных представлений о прошлом исторической политики. В качестве негосударственных акторов рассматриваются локальные сообщества, коммеморативными практиками которых выступают как семейная память, так и дискурсы в социальных сетях и в неформальных объединениях граждан, возникающих в локальных сообществах вне мейнстрима государственной исторической политики. В качестве методов используются социологический опрос и углубленное интервьюирование. Территорией исследования являлся Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Сделан вывод, что при дефиците концептуальности государственной исторической политики создаются смысловые лакуны в коллективных представлениях о прошлом, заполняемые различными, в том числе неформальными практиками локальных сообществ. В одних случаях нарративы государственной исторической политики коллективной памяти попросту игнорируются; в других – получают существенно иное смысловое наполнение; в третьих случаях они оказались способны формировать дискурсы, противоречащие официальной исторической доктрине. Источники неформальных мнемонических практик локальных сообществ, непосредственная среда, в которой коммуницируют индивиды, пользуются в их восприятии не только большим доверием на когнитивном уровне, но оказываются и гораздо более глубокое воздействие на эмоциональную сферу, апеллируя к образам семейной или местной истории.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; локальные сообщества; коллективные представления; социальная память.

Введение

Формирование коллективных представлений о прошлом вполне обоснованно считается важнейшим направлением политики идентичности. При этом внимание обращается в первую очередь на активную роль государства и иных мнемонических акторов, способных путем производства определенных приемов интерпретаций прошлого управлять этими представлениями (Русакова 2022: 160). Но являются ли коллективные представления о прошлом просто предметом управления, слепком со спускаемых «сверху» исторических нарративов, или существует «низовой» уровень политики памяти, обладающий относительной самостоятельностью и способный активно корректировать образы прошлого, транслируемые исторической политикой?

Исследование проблемы в научной литературе

Интерес к коллективным представлениям о прошлом или социальной памяти начинает стремительно расти с конца XX в., что имело ряд причин дисциплинарного и социального характера (Сафонова, 2018: 12-15). Но достаточно быстро политика памяти перемещается из области сугубо научных исследований в политическую сферу, превращаясь в идеологический инструментарий внешней политики (Фадеева, 2020: 74).

В значительной мере это было связано со стремлением европейских политиков дать новые интерпретации прошлого, в том числе избавлявшие европейские государства от вины за лояльность к

фашистским режимам в период Второй мировой войны (Политика памяти..., 2020; Идентичность..., 2017). Одновременно в новых государствах Балтии и Украины подобные интерпретации оказались нацелены на доказательство ответственности СССР и, соответственно, России как за развязывание этой войны, так и за преступления тоталитарного режима (Русакова, 2013: 187-188). Зарубежные исследователи, в связи с этим, обращают внимание на неизбежность создания нового коллективного нарратива в целях преодоления мнемонического диссонанса, вызванного прежней историей (Anastasio, 2022; Hirschberger, 2018).

Но важно также отметить не только бурный количественный рост исследований и публикаций по проблемам социальной памяти, но и парадигмальные изменения ее трактовок.

М. Хальбвакс, к работам которого восходят представления о коллективной памяти, возможность и необходимость онтологически индивидуальных представлений о прошлом превращаться в коллективные объясняет в социологическом ключе сходными диспозициями индивидов в социальном пространстве, их включением в ту или иную группу, к которым он относит семью, религиозную общину, класс (Хальбвакс, 2007: 330). Задаваемые этими объективными диспозициями пространственно-временные конструкции, управляющие воспоминаниями, французский социолог весьма точно назвал «социальными рамками памяти» (Хальбвакс, 2007: 325). Индивидуальные воспоминания о прошлом – на самом деле это всегда взгляд через призму коллективных представлений социальной группы.

Однако в современных условиях, когда границы социальных групп все больше размываются, исчезают и объективные основы этих социальных рамок памяти. Ввиду этого новый методологический подход, представленный в работах П. Норы, П. Рикера, Я. Ассман, А. Ассман и других авторов, отводит основную роль в формировании коллективных представлений о прошлом целенаправленной деятельности политических акторов. «Средой обитания» памяти было названо индивидуальное сознание, а основным средством его формирования стала социальная коммуникация (Ассман, 2014: 20). Соответственно, и глубина исторической памяти, ее горизонты начали измерять не социально-исторически, а биологически – временем жизни не более трех поколений (Ассман, 2014: 15). Все это позволило трактовать историческую память не в социологическом, а в психологическом контексте, как «культурную конструкцию» дискурсивных практик, подчеркивающую активную роль субъекта в производстве коллективных представлений о прошлом, а сами эти представления отождествлять с конструируемыми мифами (Ассман, 2014: 24).

Данный подход предопределял акцентирование внимания в проблематике коллективных представлений о прошлом на деятельности мнемонических акторов, что стало предметом изучения и ряда российских ученых, таких как А. И. Миллер, Л. П. Репина, Д. В. Ефременко, Ю. А. Сафонова, О. Ю. Малинова, С. П. Поцелуев, О. Ф. Русакова и др.

В качестве наиболее значимого игрока в пространстве использования прошлого в политических целях отечественные исследователи вполне обоснованно называют государство, выделяя как особое направление его деятельности в этой сфере историческую политику. Впрочем, большинство авторов предпочитают использовать понятие «политика памяти», предполагающее включение в деятельность по интерпретации прошлого и других мнемонических акторов (Идентичность..., 2023; Малинова, 2018b: 33).

В качестве таковых можно рассматривать институты гражданского общества, хотя в России их коммеморативные практики в большинстве аффилированы с государственной исторической политикой, однако не полностью идентичны ей (Курилла, 2022). Локальные сообщества могут выступать относительно самостоятельной подсистемой мнемонической деятельности и играть важную роль в формировании идентичности средствами политики памяти «снизу» (Hirst, Coman, 2018; Красильникова, 2020; Рубцова, 2017).

Если на национальном уровне различие исторической политики и политики памяти эвристически оправдано, то на локальном оно теряет смысл, и эти понятия можно рассматривать здесь как тождественные. Зато гораздо более значимым является выделение двух направлений этой политики в местных сообществах: формально институализированной в виде мемориальной политики местных органов власти и общественных организаций и неформальной, в качестве которой выступает семейная память, а также дискурсы в социальных сетях и неформальных объединениях граждан, возникающих нередко вне мейнстрима государственной исторической политики и даже в противовес ему. Эти создаваемые «снизу» в рамках неформальных практик локальных сообществ коллективные представления о прошлом имеют хотя концептуально неоформленный, неотрефлексированный, но вполне рациональный характер. Они даже могут стремиться к публичной манифестации, что, правда, может

вести к кооптации общественных инициатив «снизу» в формальные практики, как это происходило, например, с акцией «Бессмертный полк».

Выделение этих неформальных практик в отдельный объект исследования позволяет осуществить сопоставление их мнемонического содержания с официальным историческим нарративом политики памяти.

Как показала О. Ю. Малинова, первой такой нарративной моделью, возникшей еще в 1990-х гг., заинтересованность в продвижении которой проявили достаточно влиятельные в России политические силы, явилась калька с признанной в Европе в качестве культурной нормы «проработка трудного прошлого / коллективной травмы». Другим ее сюжетом стала критика советского политического режима, как тоталитарного и преступного (Малинова, 2016: 143-144). Советская эпоха признавалась «провалом» в российской истории. Например, в послании Б. Ельцина 1996 г. «жестко критиковалась мобилизационная советская модель, которая, по его оценке, была нежизнеспособна» (Багдасарян, 2021: 143-145). В целом, как отмечают исследователи, этот «критический нарратив оказался не слишком эффективным инструментом консолидации макрополитического сообщества» (Малинова, 2016: 143-146).

Требовались позитивные смыслы, и таковыми в исторической политике с 2000-х гг. стал концепт государственности (Багдасарян, Балдин, Реснянский, 2021: 436). С этого момента опирающиеся на апелляцию к героическому прошлому идеи укрепления государства как условия выживания нации, необходимость защиты суверенитета и независимости составили в конечном счете основной дискурс нациестроительства (Авксентьев, Аксюмов, 2024: 16-18). Именно в рамках этого нарратива сформировался общенациональный идентификационный символ – Победа в Великой Отечественной войне (Политика идентичности..., 2023). Особенностью исторической политики с 2000-х гг. стала принципиальная эклектичность, поскольку ее нарратив «сочетал элементы противоположных – в логике прежних “символических битв” – смысловых систем, не выстраивая между ними ясных связей» (Малинова, 2016: 148). Например, признание распада СССР крупнейшей geopolитической катастрофой века сопровождалось сохранением прежних критических оценок советского опыта.

Эклектичный подход, позволяя в довольно широких пределах комбинировать исторический материал, до поры до времени создавал видимость гегемонии властного дискурса. Однако протестные движения 2011–2012 гг. не только показали, что его влияние на общество несколько преувеличено, но одновременно вскрыли и популярность исторических нарративов, альтернативных официальному дискурсу (Малинова, 2016: 152).

Ответом стал «консервативный поворот», наметившийся в 2012–2013 гг. и укоренившийся с 2014 г. Выстраивалась своего рода «вертикаль» исторической политики, означавшая, что «власть стремится не только определять повестку дня в области политики памяти, но и контролировать общественные дискуссии о прошлом» (Малинова, 2016: 153).

Хотя у исторической политики государства за последние годы существенно убавилось число видимых оппонентов, она не стала менее эклектична, что по-прежнему делает ее уязвимой в пространстве общественного дискурса. О. Ю. Малинова на примере сложностей, с которыми столкнулась официальная историческая политика в связи с необходимостью сформулировать позицию власти в период даты столетия Октябрьской революции 1917 г., показала, как отсутствие целостной исторической концепции дает возможность несистемным, оппозиционным мнемоническим акторам с успехом противопоставлять официальной исторической политике альтернативные версии (Малинова, 2018а: 22).

Аналогичную активность демонстрируют и другие внесистемные акторы, о чём стали говорить регулярно возникающие конфликты вокруг открытия памятников неоднозначно трактуемым в социальной памяти политическим деятелям прошлого, например участникам Белого движения, а также аналогичные ситуации, с топонимией, праздниками и т. д. (Курилла, 2021: 112). Об этом же свидетельствовала нарастающая «неподконтрольность альтернативных исторических нарративов, транслируемых в Интернете и социальных сетях» (Мартынов, 2020: 64).

Сложный характер формирования коллективных представлений о прошлом делает их предметом эмпирических исследований (Латов, 2018: 116-133). В нашем исследовании мы оцениваем степень влияния на это формирование (государственных) и негосударственных (в лице локальных сообществ) акторов.

Методология исследования

Конструирование прошлого отнюдь не является произвольным, и в этом смысле идея М. Хальбвакса о социальных рамках памяти не потеряла своего значения (Orianne, Eustache, 2023: 128). Эти рамки задаются как объективными факторами, так и акторами политики памяти, а их инструментом является создание мнемонических матричных концепций, прокладывающих «тропы памяти» от актуального настоящего к избранному прошлому.

Задача исторической политики в этой связи видится не в подборе «нужных» фактов, а в создании объяснительной теории, и эффективность этой политики измеряется не просто доминированием в информационном поле, а ее концептуальной убедительностью. Например, в европейской политике памяти «трудное прошлое» было проработано в концептуальной рамке либерализма и демократии, в которой демократия предстает высшей ценностью европейской цивилизации, а военная агрессия носит для нее противоестественный характер (вспомним переделанную в мем кантовскую идею «демократия с демократиями не воюет»). На теоретическом уровне эта концепция нашла отражение в приквеле теории демократии – концепции тоталитаризма, а на политико-правовом юридическом была закреплена в принятой в 2019 г. Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», обвиняющей СССР в развязывании войны. Даже страны, бывшие союзниками гитлеровской Германии, предпочитают использовать тактику виктимизма в оценке своей роли в войне (Политика памяти..., 2020).

В России статья 67.1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Предпринимаются значительные усилия для того, чтобы минимизировать дефицит концептуальности, который может создавать смысловые лакуны в коллективных представлениях о прошлом, заполняемые внесистемными акторами политики памяти, в том числе неформальными практиками локальных сообществ. Проверка этой гипотезы составила предмет эмпирического исследования.

В качестве методов использовались социологический опрос и углубленное интервьюирование. Территорией исследования являлся Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Особенностью истории автономного округа является повышенная миграционная активность. Волны миграции, периодически частично девальвируя сложившуюся матрицу социальной памяти и делая необходимым ее обновление, превращают территорию в удобную лабораторию исследования становления социальной памяти.

Респонденты должны были указать источники своих знаний о прошлом и оценить их достоверность, а также высказать оценочное мнение об основных этапах и событиях отечественной истории, оценить историю своей семьи как части истории страны и т. д.

Генеральной совокупностью социологического опроса выступали граждане старше 18 лет, проживающие в автономном округе. Исследование проводилось в феврале 2025 г. в виде анкетного опроса с рассылкой через интернет и последующим отбором респондентов в выборочную совокупность ($N = 1000$), в соответствии с квотной выборкой, репрезентированной по полу и возрасту и месту жительства.

Качественное исследование осуществлялось в январе–феврале 2025 г. методом фокусированного индивидуального интервью ($N = 37$). В качестве участников опроса выступали респонденты различного возраста, пола, рода занятия, места жительства (г. Сургут, г. Ханты-Мансийск, г. Нижневартовск, г. Лянтор, Березовский район, Сургутский район).

Основные результаты

Политика памяти на региональном уровне представляет целенаправленную деятельность, которая включает как участие в общероссийских акциях, так и инициированные в регионе мероприятия, такие как интернет-конкурс «Достоен будь отца и деда», акция «Герои рядом», интерактивные выставки по истории городов и районов (Мартынов, Пуртова, 2024). Эта деятельность призвана соединить личность, индивида с более широкой общественностью через историю семьи, города, края. Так называемая локальная память формируется на основе разных источников.

В качестве главного источника знаний о прошлом наибольшее число опрошенных – 19,6 % – указало документальные фильмы на исторические темы. На втором месте – 18,3 % респондентов, отметивших в качестве первого по значимости источника знаний о прошлом рассказы родителей, род-

ственников, соседей, знакомых. Еще для 17,8 % такими наиболее важными источниками выглядят кинематографические и литературные художественные произведения. Уроки истории в учебном заведении несколько неожиданно заняли первое место лишь у 15,4 % опрошенных.

Но вопрос о доверии источникам знаний дает несколько иную картину. На первом месте здесь оказались 33,4 % опрошенных, отметивших, что более всего доверяют рассказам родителей, родственников, соседей, знакомых. Второе место заняли 30,5 % респондентов, указавших, что в наибольшей степени доверяют урокам истории в учебном заведении. Далее расположились 23,7 % доверяющих теледокументалистике. Художественным произведениям в качестве источника знаний о прошлом доверяет 9,4 % опрошенных.

Степень доверия официальному нарративу оказалась невысока. Почти две трети респондентов уверены, что «история совсем не такая» (29,3 %) и «не совсем такая, как нам рассказывают» (33,6 %). Судя по результатам ответов на «открытый» вопрос, в исторических представлениях граждан достаточно распространены конспирологические версии, а 74,6 % согласны с тем, что «историю следует защищать от фальсификаций».

Но сам интерес к прошлому достаточно высок, о чем свидетельствует внимание респондентов к истории собственной семьи. Более трети – 35,9 % – указали, что знают историю нескольких поколений своей семьи в прошлом. Большинство опрошенных – 52,6 % – заявили, что знают историю семьи начиная с дедушек и бабушек. Лишь для 7,9 % респондентов известна история только их родителей. Тем не менее «линейно-биологической» закономерности забывания прошлого, якобы измеряемого тремя поколениями, не наблюдается: среди тех, кто знает историю нескольких поколений своей семьи, число людей до 30 лет превышает остальные возрастные когорты.

Во многих семьях хранятся семейные архивы и старые фотографии, что отметили 36,1 %, еще у 18,2 % – ордена, у 11,7 % – утварь и т. д. Лишь каждый пятый респондент указал на отсутствие в семье подобных артефактов или затруднился с ответом.

Участникам углубленных интервью задавали вопрос не об источниках знаний о прошлом и доверии к ним, а о факторах и обстоятельствах, формирующих отношение к этому прошлому. Первой реакцией в большинстве ответов было указание на практическое участие в каком-либо мероприятии мемориального характера: шествие в составе «Бессмертного полка», возложение цветов к памятнику, посещение местного музея, памятного места, участие в том или ином массовом мероприятии в качестве зрителя или волонтера.

Столь же часто называлось влияние разговоров внутри семьи: «*Обсуждение исторических событий в нашей семье происходило так: родные большие рассказывали живых историй (цены на продукты, жилье, люди, которые их окружали) и истории о своих предках*». По словам другого респондента, «*это было негласное понимание, формировалось из обрывочных рассказов старших, редких упоминаний в разговорах и витающих в воздухе отголосков прошлого*».

Большая часть респондентов – 39,1 % – гордится участием своих предков в Великой Отечественной войне. Вообще, это событие играет особую роль в рассказах о прошлом, является неким смысловым стержнем и отражает понимание прошлого как сложного переплетения героического и трагического. Так, помимо законного чувства гордости в не меньшей мере в ходе интервьюирования отражались воспоминания о страшных испытаниях, выпавших на долю родных. Один из опрошенных так передает рассказ своего прадеда о войне: «*Было страшно, пули свистели над головами. Приказано было ползти под обстрелом – мы ползли, чуть приподнялся – и ты ранен. Вокруг грязь вперемежку с кровью наших товарищей, запах гари и плоти, крики, стоны. Это невозможно забыть, в памяти останется навсегда. Прадедушка был ранен два раза, после госпиталя возвращался на фронт. Он никогда не смотрел фильмы о войне – говорил, что там все неправда*».

В рассказах ряда респондентов сквозило непонимание некоторых аспектов современных объяснений истории. Один из них говорил: «*Мой прадедушка, Петр Романович, родился на Кубани в казачьей семье. В 1925 г. всю семью сослали в сибирскую деревню недалеко от Сургута. Ненавидел ли он Сталина, который жестоко обошелся с его семьей? Неизвестно. Но я хорошо знаю, что к советской власти он относился хорошо. Он был коммунистом, воевал. В 1942 г. был тяжело ранен, и его отправили домой. Всю жизнь он проработал директором школы и преподавал алгебру и геометрию. Мне непонятно, почему сегодня критикуют коммунистов и социализм, который они защищали от фашистов, если мы сегодня тоже воюем с фашистами. И среди Героев Советского Союза большинство было коммунистами*».

Чтобы выяснить, насколько влияют представления о прошлом в семье на формирование личных представлений, респондентов просили не только дать собственную оценку основным вехам

постсоветской истории, но и высказать мнение (в этом случае анализировалось мнение респондентов до 30 лет), как эти же периоды оценивают члены их семьи. Правда, почти половина опрошенных затруднились ответить, но, судя по остальным ответам, личные мнения и мнения членов семьи в суждениях респондентов в значительной степени совпадают.

Наиболее высокую оценку получила эпоха Л. Брежнева. К ней положительно относится 44,7 % респондентов, а отрицательно – только 8,7 %. В предположительных оценках других членов семьи эти оценки даже несколько выше – 49,3 и 7,7 % соответственно. Этот результат опроса выглядит неожиданно, поскольку в официальном историческом нарративе последний этап советской истории трактовался преимущественно в негативном ключе, что было важно, как часть символической политики по легитимации власти в постсоветский период.

Второй эпохой по числу положительных оценок оказалась сталинская, на что указало 39,6 % опрошенных, в то время как негативно отзывалось о ней только 12,8 %. Далее следует период советской власти после революции 1917 г., получивший 38,1 % положительных оценок, и дореволюционный период – 35,4 %. Причем процент позитивной оценки советских времен был обратно пропорционален степени социально-экономической обеспеченности человека – его доходу и должности.

Разумеется, нельзя судить о содержании коллективных представлений на основе только этих количественных показателей. Например, прежде временно квалифицировать респондентов, позитивно оценивающих правление И. Сталина, как завзятых «сталинистов». На самом деле коннотации этих оценок многослойны и неоднозначны, в чем можно убедиться, обратившись к результатам углубленного интервьюирования. Как выяснилось, в представлениях опрошенных фигурирует как минимум три образа И. Сталина. В первом, составленном по описаниям пяти респондентов, он предстает в роли злодея, повинного в гибели миллионов людей. В глазах существенно большего числа опрошенных – 14 человек – он является выдающимся политическим деятелем и полководцем. Но большинство интервьюируемых – 18 опрошенных – видит в Сталине человека, сумевшего обеспечить социальную справедливость, защищавшего «простого» человека от бюрократов и коррупционеров. *«Он был жестокий человек, но при нем был порядок, работали заводы, строили дома. При нем тех, кто трудился, уважали, а воров сажали в тюрьму»*, – говорит один из пожилых респондентов.

Со столь же существенными различиями в коннотациях мы сталкиваемся в оценках респондентами распада СССР. Подавляющее большинство – 78 % – оценивает это событие как однозначно негативное. Однако не стоит торопиться видеть в этом проявление «ностальгии по имперскому прошлому», сожалений по поводу «потерянных территорий» и пр. Как показало обращение к материалам углубленного интервью, подавляющее число респондентов вообще не мыслит данное событие в подобных категориях. Почти для всех опрошенных распад СССР является не столько geopolитической, сколько социально-экономической катастрофой, связанной с потерей «хороших отношений между национальностями», «достойной работы и образования» и пр.

В целом, советская эпоха, за исключением времени Н. Хрущева, в коллективных представлениях, судя по результатам опроса, выглядит весьма привлекательно. В ответах участников интервьюирования преимущества позднего советского периода видятся даже не столько в существовании социальных гарантий и большей уверенности в завтрашнем дне, сколько в большем уважении к человеку и его труду. Приведем высказывание одного из респондентов: *«Дедушка начал работать бурильщиком, за его рабочие заслуги был написан материал в центральной газете “Труд”. Также бабушка с гордостью рассказала о том, что он имеет награду за освоение Западной Сибири. И долгий период времени его имя и портрет висели на доске почета в производственном объединении “Юганскнефтегаз”»*. Отмечается масштабность задач, решаемых в тот период: *«Эти годы стали золотым веком для советских граждан с точки зрения качества жизни, в государстве были реализованы масштабные промышленные, инфраструктурные и научные проекты»*. Почти все респонденты, положительно описывавшие советский этап, особо отмечали открывшиеся в то время возможности получения образования.

На предпоследнем месте в импровизированном рейтинге эпох глазами респондентов находится период перестройки и правления М. Горбачева (17,5 % положительных оценок), а замыкает этот рейтинг период 1990-х гг. и правления Б. Ельцина (16,7 %). Удивительно, но из всех участников углубленного интервьюирования ни один (!) не нашел положительных слов, оценивая деятельность М. Горбачева и Б. Ельцина. В дискурсе отзывов об этих лидерах превалируют выражения «предательство», «позор», «стыд», «развал», «воровство», «бандитизм», «нищета». *«Как мы тогда выжили, только Богу известно»*, – подводит итог 1990-м гг. один из респондентов.

Обсуждение

Коллективные представления о прошлом, складывающиеся в неформальных практиках местных сообществ, отнюдь не представляют собой набор передаваемых следующему поколению нарративов с явно ностальгическими коннотациями, порождающими мнемонических монстров вроде «имперского сознания». Так же, как государственная историческая политика на национальном уровне имеет реальную политическую цель, например легитимацию власти, неформальная историческая политика местных сообществ отражает актуальный социальный интерес. Например, беспомощность человека перед лицом рынка или власти порождает моделирование в коллективных представлениях способов защиты от них, заставляя искать их аналоги в политических системах и политических деятелях прошлого. Позитивные образы Сталина, СССР и прочего – это «наряженные в одежды прошлого» интересы современных социальных групп. Поскольку интересы граждан и власти отнюдь не всегда совпадают, не всегда совпадают и нарративы официальной исторической политики и неформальных мнемонических практик местных сообществ.

Даже в тех случаях, когда коллективные представления о прошлом, казалось бы, совпадают с официальным нарративом, понятия, которыми они оперируют, могут иметь существенно иное смысловое наполнение по сравнению с индоктринальной позицией. В результате этой своего рода аберрации исторической памяти коннотации исторических событий, например распада СССР, или оценка целых эпох, в частности советской, приобретают совсем иные значения.

В других случаях нарративы государственной исторической политики коллективной памятью попросту игнорируются. Так остались без внимания, не оставив заметного следа в коллективных представлениях, попытки превратить в доминирующий дискурс концепт вины и покаяния за «трудное прошлое».

Более того, неформальные практики локальных сообществ оказались способны формировать дискурсы, противоречие официальной исторической доктрине, и с успехом противостоят ей. Например, в противовес попыткам представить деятельность Б. Ельцина, хотя и сопровождаемую ошибками и неудачами, но в целом как исторически значимую, позитивную, в коллективных представлениях превалируют негативные коннотации. Такое же сопротивление встречает стремление навязать через коммеморативные практики героизацию участников Белого движения.

Отдельную причину расхождений коллективных представлений о прошлом с официальной исторической политикой составляют когнитивно-мнемонические провалы смыслов этой политики. Например, противостояние современной России фашизму в историческом дискурсе трактуется как продолжение той борьбы с ним, которую ранее вел СССР в годы войны. Между тем главным объектом стигматизации в символической политике на всем протяжении постсоветского этапа оказалась Октябрьская революция и социализм. Более того, Победа в Великой Отечественной войне и революция оказались на разных полюсах в системе координат политики памяти. Первая является объектом секьюритизации, вторая – стигматизации. Хотя в коллективной памяти сохраняется представление, что солдаты Красной Армии защищали в том числе и завоевания социализма. Диссонанс усиливает то обстоятельство, что современный радикальный украинский национализм в качестве идеологического врага также видит социализм и коммунизм. Этот контекст ставит современную российскую историческую политику перед проблемой, как, оставаясь на антифашистских позициях, следовать антисоветскому дискурсу.

Этих и других противоречий было бы легче избежать при наличии у исторической политики концептуальной основы. Отсутствие же объяснительной теории не позволяет презентировать события отечественной истории в качестве единого и закономерного исторического процесса. Тем более, что идея общественного прогресса, «подозреваемая» в легитимации политического насилия и революции, вообще оказалась изъята из современной методологии российской политической науки. Результатом становится фрагментация представлений о прошлом – они воспринимаются как не связанные внутренней логикой события, где решающую роль играют личности.

Выводы

Мнение об определяющей роли государственной исторической политики в формировании коллективных представлений о прошлом является следствием одностороннего толкования выводов из конструктивистской парадигмы. Государство в реализации исторической политики, бесспорно, выступает важнейшим мнемоническим актором, но, судя по результатам опросов, ее влияние на кол-

лективные представления о прошлом не столь велико, как можно было предположить, учитывая доминирование в масс-медиа, в том числе и по причине дефицита теоретического обоснования нарративов ее дискурса. В результате, перефразируя известное изречение, можно констатировать, что мысли господствующего класса о прошлом так и не стали господствующими.

Источники неформальных мнемонических практик локальных сообществ, непосредственная среда, в которой коммуницируют индивиды, не только пользуются в их восприятии большим доверием на когнитивном уровне, но и оказывают гораздо более глубокое воздействие на эмоциональную сферу, апеллируя к образам семейной или местной истории. И это нередко оказывается фактором, оказывающим ключевое влияние на формирование коллективных представлений о прошлом.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-20086 «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общегосударственной идентичности»).

Список литературы / References

- Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В. (2024) ‘Официальный дискурс нациестроительства на постсоветском пространстве (на примере России, Казахстана и Белоруссии)’, *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 7–22. [Avksent`ev, V. A., Aksyumov, B. V. (2024) ‘The official discourse of nation-building in the post-Soviet space (on the example of Russia, Kazakhstan and Belarus)’ [Oficial`nyj diskurs naciestroitel`stva na postsovetskom prostranstve (na primere Rossii, Kazaxstana i Belorussii)], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 7–22. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.02 EDN: VAHRAO
- Ассман, А. (2014) *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 323 с. [Assman, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: memorial culture and Historical Politics. Translated from German. Boris Khlebnikov* [Dlinnaya ten` proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Per. s nem. Borisa Xlebnikova]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 323 p. (In Russ.)].
- Багдасарян, В. Э., Балдин, П. П., Реснянский, С. И. (2021) ‘Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России’, *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 66 (2), сс. 421–437. [Bagdasaryan, V. E., Baldin, P. P., Resnyanskij, S. I. (2021) ‘The Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a Source for Studying Russia's Historical Policy’ [Poslaniya prezidenta Rossiijskoj Federacii Federal`nomu sobraniyu kak istochnik izuchenija istoricheskoy politiki Rossii], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iстория*, 66 (2), pp. 421–437. (In Russ.)].
- Курилла, И. И. (2021) ‘История как язык политики’, *Новое прошлое. The new past*, 1, сс. 104–126. [Kurilla, I. I. (2021) ‘History as the language of politics’ [Istoriya kak yazyk politiki], *Novoe proshloe. The new past*, 1, pp. 104–126. (In Russ.)].
- Курилла, И. И. (2022) *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. Альпина Паблишер. [Kurilla, I. I. (2022) *The Battle for the Past: How politics changes history* [Bitva za proshloye: Kak politika menyayet istoriyu]. Al'pina Publisher. (In Russ.)]. DOI: 10.18522/2500-3224-2021-1-104-126 EDN: UQVNDJ
- Красильникова, Е. И., Вальдман, И. А. (2020) ‘Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв.’, *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 26 (1), сс. 47–54. [Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A. (2020) ‘Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the 20th – early 21st centuries’ [Politika pamyati: istoricheskie simvoli i kommemorativnye praktiki v sisteme social'no-politicheskoy samoregulyacii Sibirskogo regiona v HH – nachale HHI vv.], *Bulletin of Samara University*.

- History, pedagogy, philology*, 26 (1), pp. 47–54. (In Russ.)].
- Латов, Ю. В. (2018) ‘Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л. И. Брежнева, Б. Н. Ельцина и В. В. Путина’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 116–133. [Latov, Yu.V. (2018) ‘Paradoxes of Modern Russians’ Perception of Russia during the Times of L. I. Brezhnev, B. N. Yeltsin and V. V. Putin’ [Paradoksy` vospriyatiya sovremennoy mi rossiyankami Rossii vremen L. I. Brezhneva, B. N. El`cina i V.V. Putina], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 116–133. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2016) ‘Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам’, *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 139–158. [Malinova, O. Yu. (2016) ‘The Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: from the 1990s to the 2010s’ [Official`nyj istoricheskij narrativ kak e`lement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990 x k 2010 m godam], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 139–158. (In Russ.)]. EDN: YNCLNJ
- Малинова, О. Ю. (2018a) ‘Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов’, *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 9–25. [Malinova, O. Yu. (2018a) ‘Commemoration of the Centenary of the 1917 Revolution in the Russian Federation: an analysis of the strategies of key mnemonic actors’ [Kommemoraciya stoletiya revolyucii(j) 1917 goda v RF: analiz strategij klyuchevyx mnemonicheskix aktorov], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 9–25. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018b) ‘Политика памяти как область символической политики’, в: Миллер А. И., Ефременко Д. В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*: Сб. научн. тр. М.-СПб: Нестор История, 224 с. [Memory politics as an area of symbolic politics [Malinova, O. Yu. (2018b) ‘Politika pamyati kak oblast` simvolicheskoy politiki’, In: Miller A. I., Efremenko D. V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy` izucheniya politiki pamyati*: Sb. nauchn. tr. M.-SPb: Nestor Istorya, 224 p. (In Russ.)].
- Мартынов, В. С. (2020) ‘Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти’, *Дискурс-Пи*, 4 (41), сс. 54–67. [Mart`yanov, V. S. (2020) ‘The Russian Elite in Search of a Nation: the Politics of Electoral Memory Rossijskaya e`lita v poiskakh nacii: politika izbiratel`noj pamyati’, *Diskurs-Pi*, 4 (41), pp. 54–67. (In Russ.)].
- Мартынов, М. Ю., Пуртова, В. С. (2024) ‘Деятельность местного сообщества по формированию гражданской идентичности средствами политики памяти’, *Общество: политика, экономика, право*, 8, сс. 22–30. [Martynov, M. Yu., Purtova, V. S. (2024) ‘Activities of the local community in the formation of civil identity by means of memory policy’ [Deyatel`nost' mestnogo soobshchestva po formirovaniyu grazhdanskoj identichnosti sredstvami politiki pamyati], *Society: politics, economics, law*, 8, pp. 22–30. (In Russ.)].
- Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) (2020) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*, п. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) (2020) *Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern European Countries. Actors, Institutions, Narratives* [Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy]. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (In Russ.)].
- Рубцова, В. Ю. (2017) ‘Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности’, *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 1 (4). [Rubtsova, V. Yu. (2017) ‘Politics of Memory in the Practice of Constructing Local Identity’ [Politika pamyati v praktike konstruirovaniya lokal`noj identichnosti], *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 1 (4). (In Russ.)]. EDN: YNHODY
- Русакова, О. Ф. (2013) ‘Дискурс исторической политики в контексте национальной безопасности’, *Дискурс-Пи*, 1 (11), сс. 187–190. [Rusakova, O. F. (2013) ‘The discourse of historical politics in the context

- of national security' [Diskurs istoricheskoy politiki v kontekste nacion-al'noj bezopasnosti], *Diskurs-Pi*, 1 (11), pp. 187–190. (In Russ.)].
- Русакова, О. Ф., Грибовод, Е. Г., Моисеенко, Я. О. (2022) ‘Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов’, *Дискурс-Пи*. 19, 2, сс. 154–171. [Rusakova, O. F., Gribovod E.G., Moiseenko, Ya. O. (2022) ‘The Discourse of Memory Politics: Studies of symbolic aspects’ [Diskurs politiki pamyati: issledovaniya simvolicheskix aspektov], *Diskurs-Pi*. 19 (2), pp. 154–171. (In Russ.)].
- Сафонова, Ю. А. (2018) ‘Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие’, в: Миллер А. И., Ефременко Д. В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*: Сб. научн. тр. М.СПб: Нестор История, 224 с. [Safronova, Yu. A. (2018) ‘Memory studies: evolution, problematics and institutional development’ [Memory studies: e`volyuciya, problematika i institucional`noe razvitiye, Metodologicheskie voprosy` izucheniya politiki pamyati], In: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*: Sb. nauchn. tr. M. SPb: Nestor Istoriya, 224 p. (In Russ.)]. EDN: YONPZJ
- Семененко, И. С. (ред.) (2023) *Идентичность. Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. ИМЭМО РАН. – Москва: Издательство «Весь Мир». [Semenenko, I. S. (eds.) (2023) *Identity. Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field* [Identichnost'. Lichnost', obshchestvo politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya]. IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir Publishing House, (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (ред.) (2017) *Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 992 с. [Semenenko, I. S. (eds.) (2017) *Identity. Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition* [Identichnost'. Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie.].
- IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir, 992 p. (In Russ.)].
- Хальбвакс, М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 348 с. [Xal`bvaks M. (2007) *The social framework of memory* [Social`nye ramki pamyati/ per. s fr. i vstup. stat`ya]. M.: Novoe izdatel`stvo, 348 p. (In Russ.)]. ISBN: 978-5-98379-088-9 EDN: QXSOXF
- Фадеева, Л. А. (2020) ‘Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков’, *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология*, 6 (116), сс. 73–76. [Fadeeva, L. A. (2020) ‘Securitization of memory and identity politics in the arsenal of politicians and analysts’ [Sek`yuritizaciya politiki pamyati i identichnosti v arsenale politikov i analitikov], *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arxeologiya*, 6 (116), pp. 73–76. (In Russ.)].
- Фадеева, Л. А. (2024) ‘Конструктивные подходы к анализу конструируемой идентичности’, *Современная Европа*, 2, сс. 175–183. [Fadeeva L.A. (2024) ‘Constructive approaches to the analysis of constructed identity’ [Konstruktivnye podkhody k analizu konstruiruemoi identichnosti], *Modern Europe*, 2, pp. 175–183. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S0201708324020141 EDN: NXVEIO
- Anastasio, T. J. (2022) ‘Deriving testable hypotheses through an analogy between individual and collective memory’, *Prog. Brain Res.*, 274, 99–128. DOI: 10.1016/bs.pbr.2022.06.001
- Hirschberger, G. (2018) ‘Collective trauma and the social construction of meaning’, *Front. Psychol.*, 9, pp. 14–41. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01441 EDN: YIJUEX
- Hirst, W., and Coman, A. (2018) ‘Building a collective memory: the case for collective forgetting’, *Curr. Opin. Psychol.*, 23, pp. 88–92. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.02.002
- Orianne, J-F. and Eustache, F. (2023) ‘Collective memory: between individual systems of consciousness and social systems’, *Front. Psychol.*, 14, pp. 123–172. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1238272 EDN: XLWZEA

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

HISTORICAL POLITICS AND COLLECTIVE IDEAS ABOUT THE PAST IN LOCAL COMMUNITIES

M. Martynov

Mikhail Martynov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science,
Surgut State University, Surgut, Russia.
E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359; ResearcherID: F-8115-2019).

Abstract

The subject of the study is a comparison of the influence of state and non-state actors on the formation of collective perceptions of the past. Non-state actors include local communities whose commemorative practices involve family memory, social media discourse, and informal citizen associations that emerge outside the framework of official historical policy. Methods used include a sociological survey and in-depth interviews. The study was conducted in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug—Yugra. It is concluded that a lack of conceptualization of state historical policy creates semantic gaps in collective ideas about the past, which are filled by various—often informal—local community practices. In some cases, narratives of state historical policy are simply ignored by collective memory; in other cases, they receive a significantly different semantic meaning; and in yet other cases, they turned out to be able to form discourses that contradict the official historical doctrine. The sources of informal mnemonic practices of local communities—the immediate environment in which individuals communicate—are perceived not only as highly trustworthy on a cognitive level but also exert a much deeper impact on the emotional sphere, appealing to images of family or local history.

Keywords: historical politics; memory politics; local communities; collective representations; social memory.

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-20086 (project «Historical policy of local communities and the formation of regional and national identity»).